

Ася Вейн

Кровь Ичвари

Ася Вейн

Кровь Ичвари

«Автор»

2026

Вейн А.

Кровь Ичвари / А. Вейн — «Автор», 2026

Пятнадцатилетняя Джани, недавно ставшая главой древнего рода Ичвари, сталкивается с первым серьёзным испытанием своей власти. На её плечи легла война с континентом, голод, предательство и необходимость доказать старейшинам и народу, что она достойна крови своих предков. В одну ночь ей предстоит сделать выбор между милосердием, которое прославляло её отца, и жестокостью, которая однажды может спасти род от уничтожения.

© Вейн А., 2026

© Автор, 2026

Ася Вейн

Кровь Ичвари

Глава 1

– Глава, Иссур наступают с севера округа Алхи. Осталось десять миль.

В старом сарае были заколочены окна свежесрубленной дикой грушей, что росла неподалёку от места сбора отряда нового главы рода. Из последних сил срубленные Люком, Астардом и Джани куски дерева заполнили сарай фруктовым запахом. Потная от рубки и до смерти голодная молодёжь присела отдохнуть. Несколько часов назад они зарезали кучку иссурцев.

– Глава, в Алхи находится отряд, состоящий из новобранцев.

Снова заговорил Люк.

– Сколько? – спросил Астард.

– От тринадцати до пятнадцати лет. Около пятидесяти детей.

И снова наступила тишина.

Была полночь, и часть сарая освещал свет полной луны. Джани сидела на старой табуретке, опершись локтями о ноги; с её правой руки стекали капли крови и капали на изношенные ботинки. На ней было несколько слоёв одежды – разнопёрой, с каждым слоем одежда была темнее предыдущей, и из-под огромного количества тёмной ткани выглядывало белое пятно. Это подарок матери. Белая хлопковая рубашка с красивым воротничком. Право, теперь нельзя сказать, что она белая. Грязь, пыль и смола окрасили её в серый цвет, но всё же это единственное, что сразу бросается в глаза в этой грязной и серой массе одежды. Как напоминание, что некоторое время назад была спокойная жизнь.

Где-то вдали слышен волчий вой. Капюшон скрывал часть лица Джани. Кровь перестала капать. Свет луны освещал лишь ноги со старыми ботинками, теперь уже мокрыми от крови. Не поднимая голову, она спросила у Люка:

– Сколько у нас времени?

– Завтра вечером – последний срок. Позже мы встретим лишь кучку трупов.

– Отвечай коротко, Люк. Трупы мы встречаем уже полтора месяца. Каждый день. На каждом шагу.

– Джани, они дети. Они не смогут оказать сопротивление.

– Люк, ты забываешь, сколько мне лет.

– Ты дочь главы. Ты готовилась к такому исходу как к возможному с младенчества.

– Но от этого я не переставала быть ребенком.

Джани подняла голову. Лунный свет, отражавшийся от передней стены, слабо падал на её лицо. Это был и вправду ребёнок на первый взгляд. Маленькое, костлявое тело было заметно даже под грудой тёплой одежды. Тонкие жилистые руки с надутыми венами и маленькая голова на длинной тонкой шее. Но чем дольше человек всматривался в лицо, тем чётче он видел вовсе не взгляд ребёнка. Если даже не учитывать, кем являлся её отец, она производила очень сильное впечатление. Властное по своей природе. Она была «страшно» красива. Её красота не притягивала, а пугала. Хищный, а точнее волчий взгляд обязывал говорить с ней достойно. Высокие скулы и чёткие черты лица. Римский нос с маленькой горбинкой придавал ещё боль-

шей твёрдости глазам. Небольшие сомкнутые губы и острый подбородок как нельзя лучше добавляли строгости лицу. Родись мужчина с таким лицом – одного этого лица и хватило бы ему завоевать доверие солдат. Но Джани была хрупкой девушкой, достигшей совершеннолетия лишь полгода назад. Её знали и доверяли ей лишь эти двое.

Люк и Астард были её троюродными братьями. Они росли вместе с юных лет. Старший брат Джани скончался, когда девушке было три года, и после себя он оставил единственного законного наследника – Дрика. Тот ещё не окреп, и совет решил отдать место главы девчонке, хоть и неохотно. Власть не любит женские руки. Но эти три года до совершеннолетия следующего главы необходимо пережить эту войну. Люк и Астард стали первым и вторым, по крови рода, щитами нынешней главы. Они отвечают за отряды, боеприпасы и провизию на протяжении военного времени.

– Когда взойдёт солнце, принесите тех, что заперты в подвале.

Джани встала и размяла руки. Голод сдавливал всё внутри. Но гордость не позволяла склонить спину. Она скрывала еле заметную дрожь. Ни перед ними, считавшими её сестрой, ни перед отцом она никогда не показывала слабость. Она потуже завязала пояс.

– Джани, я знаю, что ты сделаешь по-своему, но всё же, отложи это дело на потом.

– Люк. Я не знаю, буду ли я завтра жива. Перед тем как погибнуть, я зарежу предателей на глазах народа.

– Они тоже из нашего рода. Старшие не позволят убить родную кровь, Джани. Никогда не позволяли. Если хочешь, можно позже отрубить им руку или ногу, но позже. После войны.

– Ты плохо меня слышишь. Не надо было делать меня главой. Они прекрасно знали, какое у меня мнение насчёт предателей. Кровь. Род. Это не имеет для меня значения. Если человек предал, я лишу его и крови, и рода. Не только его, но и всех его детей и будущих потомков. Предатели не имеют крови. Лишь страх за свою никчёмную жизнь. На рассвете вытащи их из подвала. Мы отправимся на площадь в Саме.

– Ты вселишь страх в сердца народа. Они начнут тебя бояться.

– За то, что я зарежу пару крыс? Не-е-ет. Ты увидишь, как они меня полюбят. Разбуди меня через два часа.

Люк заметил ухмылку на её лице. Это не к добру.

Прошло два часа. Джани, Люк и Астард взяли двух людей рода Ичвари и пошли в сторону Сама – здесь проживали род Ичвари и несколько других. Ичвари – самый большой род на острове, являлся основоположником многих других родов-семейств; все они являлись побочными семьями. Ичвари правили народом острова на протяжении четырёхсот лет. Здесь были и люди с континента, кроме потомков Ичвари. К роду относилась лишь прямая ветвь. После пятого ветвления старший сын в семье Ичвари мог отделиться и создать свой побочный клан, и таких было много на протяжении четырёх веков. Однако женщины не могли отделиться от Ичвари: они рождались в Ичвари и выходили замуж за мужчин своего народа, так главная ветвь сохраняла чистоту крови. Мужчины прямой ветви также могли жениться только на женщине своего народа.

Трое молодых людей почти дошли до Сама; вдалеке виднелись арки замка. Проходя мимо низких домов окраины, всё чаще навстречу попадались любопытные взгляды застывших у

своих калиток людей. Пройдя ближе к центральной площади, уставшие Люк и Астард остановились на краю и сели рядом друг с другом. Представление начиналось с минуты на минуту.

Джани дотащила двух ичварийцев к центру площади и кинула их на землю. Их головы были замотаны в старые тряпки, а рты замкнуты глиной и перевязаны. Размотав тряпки, она освободила их и заставила встать на ноги. Эти двое прекрасно понимали, за что их приволокли. Они начали плакать и молить о прощении. Джани скривила лицо. Ей было тошно от их мольб. Им хватало смелости предать свой род. Они стали причиной смерти многих сородичей, и они прекрасно знали об этом исходе. Теперь они молят её о прощении. Они знают, я не имею того же милосердия, что и отец. Они узнали это в первый день моего правления. И теперь понимали, что их ждёт.

Народ начал толпиться вокруг. Тихий шепот. Джани ждала. Ждала, когда придёт весь оставшийся клан. А именно старейшины, проживающие в бункерах. Их берегли так же, как женщин и детей. Ради будущего поколения. Именно старейшины обладали знаниями, передающимися из уст в уста.

– Пришли.

Джани увидела пять фигур, медленно приближающихся к площади.

– Народ собран, пора начинать, – промолвила она в уши двум трясущимся телам.

– Джани, дочь. Кто это? – спросил один из старейшин. Это был дед Сали.

– Сали, это сыновья Акуны и Самита, – прокричала она с центра площади.

– Что они там делают? И что там делаешь ты?

– Я обучаю их, дряхлый старик.

Сали удивился дерзости младшей. Неважно, что она глава, со старейшинами так никто не имел права разговаривать. Он понял, что те двою рядом с ней на площади совершили какую-то ошибку.

– В чём они провинились, дочь?

Глаза Джани стали мокрыми от того, что старик повторял это слово. Благо народ далеко, и никто не сможет увидеть эту её слабость. Она закричала:

– Они предали свою кровь, старик. Они предали «свою» кровь.

Из глубины души нарастала ярость. Тело чувствовало голод. Теперь совсем иной. То, что Джани сдерживала. Желание убить.

Старик, услышав это, испугался. Он знал, что она их не оставит просто так.

– Кому они навредили, Джани?

«Теперь Джани. Теперь не дочь, а глава, у которого можно просить», – усмехнулась Джани.

– Старик. Они ради живота и горстки золота продали десять своих братьев. Десять ичварцев теперь мертвы.

Теперь она и вправду сдерживала изо всех сил свою руку с револьвером в кармане. Да. Её братья. Любовь к людям рода не только прививалась с детства рассказами и историями о величественных предках. Она впитывалась с молоком матери. Она текла по жилам, и ты с самого рождения чувствовал себя одним целым с тем, у кого есть кровь Ичвари. Боль одного ичварца отдавалась во всём теле. Возможно, оттого что кровь прямых потоков сильнее, это чувство обострялось в тысячи раз. Чувство единства с родом. С каждым из рода. И с каждой их смертью умирала и часть души Джани.

– Старик. С этого дня тот, кто может предать и лишить жизни брата, будет убит лично мной.

Джани высунула из кармана руку, и вся толпа вскричала. Мольбы о прощении взвыли отовсюду. Женщины, родственные этим двум ублюдкам, стали хвататься за одежду старика, прося остановить девушку. Джани направила револьвер к голове сына Акуны и сделала выстрел. Кровь плеснула на лицо Джани. Толпа замолчала. Никто не думал, что пятнадцатилетняя девушка, ставшая главой месяц назад, сделает то, что не могли сделать двое предыдущих глав, – убить на глазах народа одного из своих.

Люк и Астард вскочили. Они стояли ближе всех к происходящему, и их лица были в ужасе. Перед ними, без капли жалости, Джани, их названная сестра, выстрелила в голову человека. Они думали, что она выстрелит в грудь или в живот, ведь их сестра не монстр. Но они ясно увидели иное. Это не Джани. Что-то изменилось. Нет. Что-то сломалось в её душе в момент смерти отца. Она не похожа на себя.

Стоявший в ужасе рядом с главой сын Самита рухнул на землю. Животное чувство страха – единственное, что он чувствовал сейчас. Надо бежать. Надо скрыться в толпе, она не выстрелит в толпу. Рванув изо всех сил, он побежал к народу с воплями о помощи.

Выстрел.

Тело с простреленной головой упало прямо в двадцати шагах от старца. Женщины начали кричать.

И снова выстрел.

Толпа замолкла.

Джани опустила револьвер в карман.

– С этого дня предательство карается смертью. Человек, который вышел из Ичвари и решил предать Ичвари, закончит именно так.

Люк и Астард встали рядом с Джани. Что бы ни произошло, она их сестра. И они всегда на её стороне.